

Драматургия жизни

Жизнь и сцена. - 1996. - 18 25 апр. - 92

Если бы “Современника” не было...

Ну, во-первых на торжество по случаю его 40-летия не пришел бы Президент России, вручивший – день в день, час в час, здесь и теперь, прямо на сцене – ордена самому театру и ведущим его мастерам. Во-вторых, думаю, не было бы и самого Президента – конкретная импозантность фигуры для моих рассуждений в расчет не берется, как и то, любитель он искусства Мельпомены или нет.

В-третьих, по-иному сложились бы многие судьбы, а если выспренно, то – судьба целого поколения, для которого “Современник” был надеждой, опорой, жизненным университетом.

Я не преувеличиваю роль театра. Но не хочу и преуменьшить ее. Моему сознательному отношению к жизни столько же лет, сколько и самому театру. Я такой же его современник, как и он сам, обозначивший свое имя в кавычках и с прописной буквы, – современник и участник неотвратимых перемен. Как просто сказать верящему в жизнь, что ты ее участник.

Никто – ни они, ни мы, зрители, – не посягали на устои. Мы хотели правды, не зная, что это такое. И маленькая толкача ее, крупница, просеивающаяся как откровение, была тогда дороже, чем сегодня мрачное знание.

Они хотели отчистить и отмыть. Невероятно сколько всего. Систему Станиславского, систему ценностей, систему движения человеческих чувств, систему самого театрального дела. Самою Систему, в конце концов. Они возникли в ту пору, которая недолго именовалась оттепелью, и на себе испытали, что следует за ранним пробуждением природы. Был еще “Новый мир”. В то время в первый раз его распяли за статью Владимира Померанцева “Об искренности в литературе”.

За искренность распинают – святое для Отече-

ства дело. Свидетельств тому предостаточно. Ефремов предложил искренность как форму правды. Может быть, тогда это было и идеологией. Но родилась новая эстетика – порыва, чувства, скрытого желания, возможности его осуществиться.

С высоты лет, я думаю, что преобладание эстетики над идеологией и сохранило театр, дав ему способность дожить до сорока и твердо рассчитывать на больше.

Они стали первым новым образованием в отлаженной ранжирности устоявшихся канонов. И первой трещиной, эту ранжирность пошатнувшей. Ибо доказали возможность нового дела. И его неотвратимость.

В пору первой своей молодости “Современник” был более чем театром. Он стал центром притяжения, и счастлив был тот, кто на себе ощутил его магическое влияние.

Я не хочу сказать, что они были выше других. Просто таких, как они, тогда не было. А это и есть собственная высота, которая вовсе не нуждается в сравнительных сопоставлениях.

Мне кажется, что Олег Ефремов дважды создал “Современник”. Первый раз, когда зажег молодых своих единомышленников идеей нового театра-студии. А второй, когда ушел из него. Крепость любви и дружбы поверяется верностью. Поэтому правы были те, кто пошел вслед за Ефремовым во МХАТ, и более чем правы те, кто остался в родных стенах.

Хорошо помню те времена, потому что друзьями были те, кто ушел, и те, кто остался. Ефремов верил, что те, кто остался, еще придут к нему. Они не пришли. Сегодня он должен быть благодарен им за подлинную верность делу.

Когда отшумел праздничный вечер и все разошлись-разъехались, в небольшом гостевом зале, кроме нескольких приподнявшихся друзей теат-

ра, остались двое – Галина Волчек и Олег Ефремов. Он был во главе театра шестнадцать лет, она ведет его двадцать четыре. Они сидели друг против друга, и эти сложные вместе годы возвращали их к бесконному началу. Счастливому, неповторимому, переживаемому вновь.

Потом Галя буднично сказала, что в двенадцать – уже сегодня – репетиция, и пора разъезжаться. Настало 16 апреля – первые часы первого дня сорок первого года существования театра.

Я рад, что был свидетелем этой вполне бытовой и сполна символической мизансцены. Театр живет не только тогда, когда сходятся человеческие и художественные пути, но и когда они расходятся. Главное, чтобы при этом оставался театр.

“Современник” остался, преподав урок чести и верности делу. Тем более поучительный, когда, увы, все чаще возникают примеры совсем иного рода.

Значит, крепко было само дело и его не только жизненные, но и художественные корни. Еще в недрах молодого “Современника” Галина Волчек доказала свою художественную, человеческую самостоятельность и состоятельность. Сегодня ей ничего не надо доказывать – за нее это прекрасно делает сам театр.

Мне нравится, как она ведет себя. С достоинством правоты. И имеет на то основания. Вот почему сильные мира сего добиваются ее расположения, а не она их. Она сегодня победительница и в награду – вот эти весомые четыре десятилетия существования театра.

“Если бы “Современника” не было...”, – написал я в заголовке. Надо бы по-другому. “Современника” не было бы, если бы сами они, за всех нас, не взвалили на свои плечи тяжелую ношу. Спасибо тем, кто донес ее до наших дней.

Ал.АВДЕЕНКО.